

Об уровнях проявления реально существующего в учении И. Канта¹

Андрей Владимирович Тихонов

к.ф.н., Южный федеральный университет, доцент Института философии и социально-политических наук

avtihonov@sfedu.ru

Аннотация: В данной статье предпринимается попытка обозначить и выделить темы и смысловые блоки, имеющиеся в «Критике чистого разума» Иммануила Канта, связанные с указанием на область подлинной реальности, существующей независимо от субъекта. К таким темам относятся вопросы определения природы философского знания, логического характера действия субъекта, сам по себе анализ познавательной схемы субъекта. Рассуждения о подлинной реальности не даны в «Критике чистого разума» напрямую, поэтому представляется важным обозначение тех вопросов, в которых «проглядывали» бы интересующие нас выводы. Саму по себе попытку обозначить проблемный фон, на котором был бы возможен разговор о подлинной реальности в учении Канта, можно посчитать попыткой выделить в его учении некий метауровень. Автор также старался проследить преемственность выделенных идей «Критики» в дальнейшем развитии истории западной философии.

Ключевые слова: Кант, «Критика чистого разума», трансцендентальный субъект, вещь-в-себе, явление, Абсолют, метафилософия.

On the levels of manifestation of what really exists in the Kant's teaching²

Andrey Tikhonov

Ph.D., Associate professor, Southern Federal University, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences

avtihonov@sfedu.ru

Abstract: In this article, author makes an attempt to identify and highlight the themes and semantic blocks available in Immanuel Kant's «Critique of Pure Reason», related to pointing to the area of genuine reality that exists independently of the subject. Such topics include the issues of determining the nature of philosophical knowledge, the logical nature of the subject's action, and the analysis of the subject's cognitive scheme itself. Arguments about true reality are not given directly in the text of «Critique of Pure Reason», therefore it is important to identify those issues in which the conclusions we are interested in would be «overlooked». In itself, an attempt to identify a problematic background on which a conversation about the true reality in Kant's teaching would be possible can be considered an attempt to highlight a certain meta-level in his teaching. The author also tried to trace the continuity of the highlighted ideas of the «Critique» in the further development of the history of Western philosophy.

Keywords: Kant, «Critique of Pure Reason», transcendental subject, thing-in-itself, phenomenon, Absolute, metaphilosophy.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00023, <http://rscf.ru/project/23-20-00023/> в Южном федеральном университете.

² The research was supported by a grant of the Russian Science Foundation, No. 23-28-00023, <http://rscf.ru/project/23-20-00023/> at the Southern Federal University.

© А.В. Тихонов (Ростов-на-Дону). avtihonov@sfedu.ru. Южный федеральный университет. Южный Полюс 12 (2) (2024) DOI: 10.18522/2415-8682-2024-12-73-79

Поставленный в «Критике чистого разума» вопрос о том, существует ли «независимое от опыта и даже от всех чувственных впечатлений познание» [1, с. 32], предполагает, по замыслу Канта, выход на уровень «трансцендентального» исследования, то есть такого исследования, которое направлено на анализ «возможности или применения априорного познания» [1, с. 73]. Сущность трансцендентального исследования заключена в решении вопросов, связанных с «интерпретацией априорного и опыта, соотношения трансцендентального и трансцендентного» [2, с. 241]. В содержание такого анализа входит проблематика различия «априорного» и «эмпирического» применений «источников знания»¹, «чистого» и «эмпирического» познания, и эта проблематика в более общем виде становится проблемой соотношения области «трансцендентального» и области, лежащей за пределами субъективности вообще. Ответ на указанный выше вопрос составляет суть «трансцендентального» исследования, которое, по замыслу Канта, предлагало принципиально новый подход к традиционным философским вопросам о процессе познания, о природе философии, об определяющих установках поведения и о человеке вообще.

В «Критике чистого разума» вопрос о природе истинной реальности есть вопрос о природе того принципа, который составляет наши субъективные условия познания. Чтобы получить эти условия в качестве «чистых» логических, Канту приходится повторять о различии «чистого» и «эмпирического» как об основании, на котором происходит не только поиск этих условий, но и описание теоретической способности разума вообще. Говоря о «принципах трансцендентальной дедукции вообще», Кант показывает, что если не задумываться о том, как происходит и как возможен познавательный опыт, то опыт сам по себе доказывает свои эмпирические понятия. Этого, конечно же, будет недостаточно для полного представления о теоретическом разуме, этого будет достаточно лишь для обыденного мышления, для людей, не поставивших себе вопрос – а как именно функционирует познание? Но так как среди всего объема понятий есть такие, которые «предназначены также для чистого априорного применения (совершенно независимо от всякого опыта)» [1, с. 92], то им тоже нужно обоснование, то есть дедукция. Такая дедукция будет трансцендентальной.

Исходя из замысла Канта, из задач трансцендентального исследования, я предлагаю обратиться к сюжетам, в которых содержатся так или иначе, в той или иной форме, рассуждения о реальности и ее статусе. Я предлагаю обратиться к тем идеям, представленным в «Критике чистого разума», которые будут иллюстрировать различные уровни предположения о проявлении подлинной реальности. Обычно считается, что такие идеи несут революционный для дальнейшей истории западноевропейской философии характер.

Во-первых, это поставленная Кантом задача постижения самих принципов функционирования человеческого познания. Не надо быть просто удовлетворенным тем, что у нас есть чувственное и рациональное познание. Надо постичь то, как они конкретно функционируют. Это и называется Кантом «трансцендентальное» исследование – исследование глубин субъективности (за что потом его будут характеризовать как субъективист, скептик, психологист). Этот вопрос напрямую связан с вопросом природы

---

¹ В первой редакции книги Кант указывает на то, что существует «три субъективных источника знания, на которых основывается возможность опыта вообще и знание предметов его: чувство, воображение и апперцепция» [1, с. 508]. Эти источники можно рассматривать «в применении к данным явлениям» («эмпирически»), но они все суть априорные, то есть «делающие возможным само это эмпирическое применение» [1, с. 508].

философии и определения ее объекта. Вопрос о познании, в случае его положительного решения, ответит на вопрос о статусе и задачах философии. Кант занимается утверждением философии в качестве науки.

Вывод Канта следующий: любое суждение об области внеопытного, несмотря на долгую историю попыток строить науки на таких суждениях, обречено на провал: судить о том, что лежит за пределами возможного опыта бессмысленно. Но субъект еще не вооружен результатами аналитики собственного разума, которые бы показали границы его применения; а раз таких результатов нет, раз трансцендентальное исследование не завершено, то разум поэтому всегда стремится выйти за эмпирический опыт.

Получается, что разум в своей чистоте устроен таким образом, что нуждается в «дисциплине», которая бы оберегала его от собственных притязаний и возникающих из-за них заблуждений. Но при этом, считает Кант, разум сам же и пользуется этой дисциплиной, разум сам себя направляет, и философский замысел Канта заключен как раз в обосновании возможности того, как разум, оберегая себя, ставит себе предел. Поэтому философия «служит не органом расширения, а дисциплиной для определения границ, и, вместо того чтобы открывать истину, у нее скромная заслуга: она предохраняет от заблуждений» [1, с. 466].

Итак, Кант предложил понимать философию в качестве «предохранения от заблуждений». Философия ничего не открывает – она разъясняет имеющиеся знания. Эта интенция реализуется в направлении «лингвистическая философия» (30-е-60-е годы), где философия представляет собой «терапию языка». В этой традиции философские проблемы не решаются приобретением нового опыта. Философия занимается тем, что уже было известно. Задача философии – анализ способов употребления языка, философия должна лечить философские проблемы. Д. Уиздом считал, что философские предложения не несут информацию о мире; философские вопросы допускают противоречивые ответы, поэтому задача философа – осознать парадоксальность философских вопросов, и далее выступить как психотерапевт – найти источник парадокса. Н. Малькольм утверждал, что философские дискуссии – не о фактах, а о способах выражать факты в языке. Философский спор носит исключительно вербальный характер. М. Лазеровиц предлагал рассматривать философские системы в качестве «языковых игр», замкнутых систем, с собственными правилами употребления слов. Философы создают свой язык, считая свою систему описанием мира. На самом деле системы эти носят условный характер.

Далее, Кантом была изменена известная всем познавательная схема: традиционно считалось, что что-то познать – означает постичь активным познающим субъектом некий объект, который лежит вне субъекта. У Канта же что-то познать – означает сконструировать объект внутри субъекта. Т. Рокмор совершенно точно указал на то, что «по Канту, познание совершается в опоре на то, что в наши дни зовется экстернализмом, т.е. схватыванием внешнего предмета в представлении» [3, с. 412]. Объясняя этот процесс «схватывания», Кант разделяет «объективное» и «субъективное» именно в тех смыслах и значениях, которые мы привыкли использовать: объективное – то, что существует на самом деле, а субъективное – то, что представляется нам. Только Кант четко обозначает специфику своих смыслов: «объективное» – это «правило», согласно которому то, что мы понимаем под субъективным (то есть «представления»), «схватываются» в определенной «последовательности».

Как подвел итог учению Канта русский историк философии Борис Фохт: у Канта опыт, разум и природа – вещи одного смыслового порядка. Познавательный опыт определен внутренней природой человека, и для Канта сама субъективность выступает причиной опыта, причиной всего того, что для обычного человека представляется окружающим его миром. «Природа есть не что иное, как опыт, но этот опыт, в свою очередь, есть не что иное, как совокупность синтетических суждений а priori о его предмете» [4, с. 75], а совокупность этих суждений заложена в трансцендентальном

субъекте. Именно эта позиция Канта выступила источником интерпретационных различий и причиной такой поверхностной оценки его философии, как «агностицизм». «Рассудок» человека «есть источник законов природы» [1, с. 514], то есть для Канта, можно сказать, весь окружающий мир выступает произведением «рассудка», а абсолютный принцип, о котором идет речь, для «рассудка» сам выступает «источником». Этот же «источник», эта же абсолютная природа определяет и другие виды субъективной доопытной деятельности: поведение человека и его суждения, в которых присутствует «понятие целесообразности». Это показывает, что «разум» обладает разными видами деятельности, и, соответственно, разными видами своего описания.

Эта идея имеет свое выражение у Л. Витгенштейна в «Логико-философском трактате» [5, с. 59], в котором утверждаются следующие идеи (афоризмы 1.13, 2.0121 2.04, 2.05, 2.06, 2.063, 4.113-4.116, 5.5562). Пределы мышления – это пределы мира, мир не есть то, что мы называем эмпирической реальностью. Мир имеет ту же структуру, что и язык; он логически структурирован. Отношения элементов мира поддаются логическому описанию. Мир – это мир, который нами понят. Мир задается той логикой, которой мы мыслим. Мы строим мир посредством логического каркаса. Мир – это то, что поддается логическому выражению. Мир является целокупностью «фактов», подразделяется на «факты», то есть на то, что описывается в предложениях, составляющих язык. И всегда факт коррелирует с языком, всегда происходит определение факта в логическом пространстве. Так как субъект сам создает для себя картину фактов, то есть создаёт «модель действительности», то можно сказать, что логическая структура, которой субъект обладает, «набрасывается» им на мир. «Логическая форма» является организатором факта, и поэтому для Витгенштейна картина мира есть «логическая картина».

Продуктивная деятельность рассудка, о которой говорит Кант, постоянный процесс созидания опыта, может быть понят и как синтезирующая деятельность «сознания» [6, с. 194]; и в таком случае учение Канта может быть сравнимо даже с феноменологией Гуссерля. Исходя из такого ракурса можно заявить, что у обоих философов получение предметности является «переживанием сознания», и что обоим философам известны особые акты такого переживания, когда само это переживание становится объектом мысли (рассуждение о «времени» как о форме внутреннего восприятия у Канта и открытие «чистого имманентного времени» [6, с. 194] у Гуссерля). Оба философа знают о «побочных» сознательных переживаниях (эстетические чувства и образы у Канта и «аффекты» и «инстинкты» у Гуссерля), но эти переживания также включены в общую синтезирующую работу сознания.

Однако создание историко-философских параллелей – процесс сам по себе длительный, и требующий большего внимания; сейчас важно зафиксировать то, что Кант, если говорить в общефилософском смысле, предлагает следующую фундаментальную идею: имеющаяся перед нами действительность определена когнитивными познавательными особенностями человека. Являющаяся человеку картина мира именно такова, какова внутренняя психическая структура человека. Но как показывает Н.В. Мотрошилова, мир явлений, феноменов, у Канта не следует относить к миру иллюзий; это – предметный мир, с которым человек и имеет дело. ««Феномен» - термин, с помощью которого фиксируется связь именно связь рассудка и чувственности, применение понятий к условиям чувственности, а значит, предметная наполненность соответствующих рассудочных понятий» [7, с. 328]. Феноменальный мир создается субъективными условиями (чувственностью и рассудком), но этот мир – именно предметный мир, о котором мы выносим суждение и который доступен анализу.

Важно еще следующее обстоятельство. Кант изучает «трансцендентальную» логику, то есть те основания, на которых строится знание; он открывает область «чистого», область принципов функционирования разума, в соответствии с которыми возможен вывод, дедуцирование нашего опытного знания. Вне этого положения нельзя рассуждать о

познании. Открытие «чистой» области начинается у Канта с выявления логической формы суждений, при этом Канту в своей аналитике приходится идти как-бы в обратном направлении по отношению к действительному положению вещей: исходя из имеющихся типов суждений, Кант выводит их внеэмпирическое содержание; а в реальном процессе познания первичной и определяющей будет область априорного. Все многообразие знания и его особенности, которым человек может обладать, выводится и определяется именно законами рациональной способности человека, и эти законы, относящиеся к «чистой», доопытной области открывает «трансцендентальная логика».

Но такой поворот в традиционной «гносеологической» схеме может быть воспринят так, что Кант вообще предложил логическое основание для метафизики, то есть показал, что любое действие разума несет логический характер и может быть понято через изучение логики, являющей нам весь познавательный опыт. Именно так понял Канта Ч.С. Пирс, основатель логики знаковых систем. Если Кант показал, что логика и опыт едины, то единственное что остается для исследования – это логика знаков, которые мы используем для обозначения наших знаний. Таким образом, находясь на этой позиции, можно утверждать, что Кант открывает семиотические исследования, исследования знаковых систем и значений, которые они порождают. Раз мы изучаем наш внутренний опыт, как учит Кант, а не вещи сами по себе, то наш философский путь к постижению действительности лежит через бесконечный знакопорождающий процесс.

Еще необходимо отметить, что по Канту, пространство и время не являются атрибутами Вселенной, не принадлежат универсуму, а принадлежат самому субъекту; они являются нашими формами восприятия того, что находится вне меня. При этом, Кант подчеркивает, что если мы говорим о явлении, которое есть то, что «не находится в объекте самом по себе, а всегда встречается в его отношении к субъекту и неотделимо от представления о нем» [1, с. 67], то в нем нет никакой видимости или иллюзии. Кант не учит тому, что явления иллюзорны: мы имеем дело с миром феноменов, определенных пространством и временем. Иллюзия возникает тогда, когда мы говорим об объектах, не являющихся явлениями, говорим о предметах, «не обращая внимания на определенное отношение предметов к субъекту и не ограничивая свое суждение этим отношением» [1, с. 67]. В этом смысле, становится ясна такая характеристика учения Канта как «реализм»: для субъекта мир феноменов реален. Ноуменальный же мир, мир вещей-в-себе необходим Канту не только для того, чтобы подчеркивать его принципиальную непознаваемость и связывать с ним область иллюзий. В «Критике чистого разума» показано, что акт человеческой мысли неизбежно включает в свое содержание и обращение к объектам, не попадающим в поле опыта. Это – объекты, традиционно относящиеся к сфере метафизического. Интересна точка зрения М. Мамардашвили, который считает, что не попадающее в наш рассудочный опыт, не определенное формами пространства и времени, то есть то, что указывают имеющиеся в разуме «идеи», есть поле «существования» [8, с. 268]. То есть мир явлений, проходящий через пространственно-временную организацию субъекта – это мир, нами «понятый», а мир чистых ноуменов – это мир «существования», непознаваемый субъектом.

Идея понимания «объективного» мира как действительности нашего познавательного опыта была подхвачена Э. Махом в его работе «Познание и заблуждение» [9]. Мах учит тому, что окружающая действительность – это система свойств, совокупность ощущений. Комплекс тел – это комплекс чувств, которые возникают у субъекта. Нас окружают элементы с различными качествами, одним из которых является качество места; но физическое устройство человека таково, что создает иллюзию пространства как вместительности для тел. На самом деле нет абсолютного пространства, как и нет абсолютного времени, и эти идеи дальше развиваются Эйнштейном и уходят в своем развитии в современную науку.

Последнее, на чем бы хотелось заострить свое внимание – это способ разговора об Абсолюте, о божественном. Во втором отделе «трансцендентальной логики» «Критики чистого разума» речь идет о «логической форме умозаключений», которая станет «источником особых априорных понятий, которые мы можем назвать чистыми понятиями разума или трансцендентальными идеями» [1, с. 230]. Разум выступает сам в качестве активной формы для рассудка. В разуме заложены те же компоненты, которые представлены в рассудке, но уже в состоянии «безусловности»: «понятие разума вообще может быть объяснено через понятие безусловного, поскольку оно содержит в себе основание синтеза обусловленного» [1, с. 230], то есть содержит в себе основание для мыслимости «при определенном условии» [1, с. 230].

Если говорить о логическом облике «идей», то можно сказать, что «идеи» у Канта выражают возможные виды безусловностей. Если же говорить об их функциональном содержании, то тогда можно сказать, что роль «идей» в теоретическом разуме заключается в побуждении рассудка к выдаче о них суждений, в постоянном и неизбежном процессе самоопредмечивания и собственного выражения. «Идеи» формируют рассудочный опыт, и тема подлинной реальности в данном случае связывается Кантом с определенным видом опыта: с появлением суждений особого рода, то есть с появлением «трансцендентных», внеопытных суждений. Их наличие обусловлено тем, что в субъективности обнаруживаются безусловные умозаключения, к которым приходит разум; а если говорить более широко, то появление суждений, несущих в себе признаки абсолютности, обусловлено самими «идеями». «Свобода», «Бог» и «бессмертие» есть «неизбежные проблемы разума» [1, с. 35], постоянно требующие своего разрешения. Следовательно, понятие «безусловности» у Канта является ключом к области абсолютного. Но все наши фактические опытные суждения – обусловлены, а познавательная ценность внеопытных суждений, хоть они и продиктованы «естественной» и «неизбежной» «диалектикой» «чистого разума» [1, с. 217].

Как в данном случае Кант может быть проинтерпретирован? Это может быть выражено в следующей философской идее: о божественном в системе Канта не говорится на прямую. Такое опосредованное отношение к теме божественного влекло за собой подозрения в атеизме, и было понято последователем Канта А. Шопенгауэром в ключе рассуждений об объектах представлений, сущность которых составляет лишь воля. Сама природа проявляет себя повсеместно как реализация волящего начала, и именно для этого фундаментального положения, считает Шопенгауэр, Кант вырабатывает критику попыток доказательства бытия Бога. Критикуя способы этих доказательств, Кант подтверждает, по Шопенгауэру, что в мире ничто не сотворено и «мир создан не с помощью познания, следовательно, не извне, а изнутри» [10, с. 42]. Потакание интеллекту, вера в его главенство в устройстве мира приводит человека к картине созданных «творений».

Кант же учит тому, что мы можем сколько угодно говорить о вещах божественного свойства, но познавательной ценности в этом не будет. Мы можем представлять себе все что захотим. Но мы должны понимать, что тема божественного может быть открыта через анализ условий познавательного опыта – в нас скрыто такое содержание, которое не требует никаких условий для своего выражения, и нам важно понимать статус и ценность таких высказываний, их природу. Только в глубине субъективности, в самой возможности высказаться, можно искать следы подлинной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Критика чистого разума. М. 1994. 591 с.
2. Демидов Ф.Д. Философия И. Канта и современность: смысл и содержание кантианского дискурса о трансцендентальном // Философия И. Канта (история и современность). Омск. 2006. С. 240-261.

3. Рокмор Т. Коперниканский переворот Канта и его значение для теории познания // Философия и история философии. Актуальные проблемы. К 90-летию академика Т. Ойзермана. М. 2004. С. 408-417.
4. Фохт Б. Избранное (из философского наследия). М. 2003. 455 с.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. 2018. 59 с.
6. Орлова Ю.О. Кантианские стратегии интерпретации феноменологии Гуссерля (на примере современных исследований в Германии) // Актуальность Канта: сборник статей. СПб. 2005. С. 193-204.
7. Мотрошилова Н.В. И. Кант: между «явлением» (Erscheinung) и «феноменом» // Философия и история философии. Актуальные проблемы. К 90-летию академика Т.И. Ойзермана. М. 2004. С. 319-331.
8. Мамардашвили М. Кантианские вариации. М. 2002. 320 с.
9. Мах Э. Познание и заблуждение. М. 2003. 456 с.
10. Шопенгауэр А. О воле в природе // Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Том 2. М. 1993. С. 6-107.

REFERENCES

1. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Moscow. 1994. 591 p. (In Russian)
2. Demidov F. Filosofiya I. Kanta i sovremennost': smysl i sodержanie kantianskogo diskursa o transscendental'nom [Philosophy of Kant and modernity: the meaning and content of the Kantian discourse on the transcendental], in: Filosofiya I. Kanta (istoriya i sovremennost') [The Philosophy of Kant (History and Modernity)]. Omsk. 2006. P. 240-261. (In Russian)
3. Rockmore T. Kopernikanskiy perevorot Kanta i ego znachenie dlya neorii poznaniya [Kant's Copernican Revolution and its significance for the theory of knowledge], in: Filosofiya i istoriya filosofii. Aktual'ny'e problemy' [Philosophy and history of philosophy. Actual problems]. Moscow. 2004. P. 408-417. (In Russian)
4. Fokht B. Izbrannoe [Selected works]. Moscow. 2003. 455 p. (In Russian)
5. Wittgenstein L. Logiko-filosofskii traktat [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow. 2018. 59 p. (In Russian)
6. Orlova Y. Kantianskie strategii interpretatsii fenomenologii Gusserlya (na primere sovremenny'kh issledovaniy v Germanii) [Kantian strategies for interpreting Husserl's Phenomenology (using the example of modern researches in Germany)], in: Aktual'nost' Kanta [The Actuality of Kant]. Saint-Petersburg. 2005. P. 193-204. (In Russian)
7. Motroshilova N. I. Kant: mezhdru "yavleniem" (Erscheinung) i "fenomenom" [I. Kant: between "appearance" (Erscheinung) and "phenomenon"], in: Filosofiya i istoriya filosofii. Aktual'ny'e problemy' [Philosophy and history of philosophy. Actual problems]. Moscow. 2004. P. 319-331. (In Russian)
8. Mamardashvilli M. Kantianskie variatsii [Kantian variations]. Moscow. 2002. 320 p. (In Russian)
9. Mach E. Poznanie i zabluzhdenie [Knowledge and Error]. Moscow. 2003. 456 p. (In Russian)
10. Schopenhauer A. O vole v prirode [On the Will in Nature], in: Schopenhauer A. Mir kak volia i predstavlenie. T. 2. [The World as Will and Representation. Vol. 2]. Moscow. 1993. 671 p. (In Russian)